

ЗАГРАНИЧНЫЕ ИЗВЕСТИЯ

< ИЗ № 7 «СОВРЕМЕННОКА» >

Бонапартизм и его разнообразные проявления во Франции. — Наводнения в южных провинциях. — Филиппика против роскоши. — Быт рабочего класса в Париже. — Книги Лазара, Мендра и Гюссона. — Августин Тьерри. — Театральные новости. — Празднование мира в Лондоне. — Пересмотр английского перевода библии. — Новое здание библиотеки при Бригтанском музее. — Новые явления в литературе. — Проект железной дороги в Индию. — Санталы. — Перевод «Потерянного рая» Мильтона на итальянский язык. Главнейшие американские журналы. — Статистика Соединенных Штатов.

Бонапартизм с каждым днем приобретает во Франции все более и более значения. Крестины императорского принца праздновались с самым строгим соблюдением предписанного церемониала, имевшего целью выставить государственную важность этого события. Тут все было рассчитано заранее, и речь папского легата, как не входившая в программу, не существовала для публики от грома музыки, огласившей своды храма богоматери при первых словах кардинала. Проект закона о регентстве императрицы французов ведет к той же цели политики Людовика-Наполеона — упрочить престол Франции исключительно за своим семейством. Полярная экспедиция двоюродного брата императора служит также выражением, хотя и косвенным, этой политики.

Но праздники и иллюминации, сопровождавшие крестины, чудеса роскоши, выказанные двором и столицей по этому поводу, чрезвычайное стечение в Париж иностранцев и провинциалов, конфеты, сыпавшиеся на улицы с аэростатов, как из рогов изобилия, колоссальные бомбоньерки, спускавшиеся на парашютах, — весь этот шум и гам ликующей столицы, при виде ракет, бенгальского огня, золота, бархата и брильянтов, тем сильнее дали заметить другую сторону медали, когда опомнясь от минутного упоения и восторга, французская нация стала лицом к лицу с раззоренными представителями своих южных провинций.

Юг Франции понес тяжкие потери от разлива рек. Лион, Сент-Этьенн, Авиньон, Тур и все плодоносные пространства земли по

берегам Роны и Луары опустошены совершенно, поля размыты, жилища разрушены, скот потоплен. Пособия пострадавшим, назначенные самим императором (125 000 фр.) и законодательным корпусом (2 000 000 фр.), лишь в слабой степени облегчат зло и едва ли в состоянии будут предотвратить общую нищету и голод в лучших местностях государства. Франции нужно серьезно подумать о мерах народного продовольствия, особенно после тех страшных результатов и убытков, к которым привели там все законоположения о таксе на печеный хлеб.

Между тем, наперекор этим печальным урокам судьбы, вслед за жертвами, принесенными крымской войне, роскошь усиливается в Париже до невероятных размеров.

На всех концах столицы ежедневно возникают новые магазины с мебелью, бронзой, шелковыми, туалетными и мебельными материями, драгоценными вещами, фарфорами, антиками, редкостями и пр., и пр. Наряду с кофейнями и съестными лавочками, портными и модистками, обойщики получают мировую важность и возбуждают к своей профессии безграничное уважение.

И не нужно посещать дворцы или отели знатных людей, чтобы иметь понятие о парижской роскоши: бульвары с своими магазинами представляют на каждом шагу образцы той изысканной, тщеславной расточительности, против которой вооружаются все благомыслящие люди и от которой так сильно, но безмолвно страдает класс бедных потребителей.

Кровати из розового дерева, разукрашенные бронзой, фарфором, камнями, эмалью; шкапы с пружинами и выдвигаемыми зеркалами, которые со всех сторон отражают в себе одевающуюся даму; мозаичные шифоньерки, бюро, к которым совестно подойти с мыслию о серьезном деле, диваны, располагающие к восточной лени и сладкой дремоте, наконец туалеты дам, которые тратят на наряды по тридцати, сорока тысяч франков, кружева лореток, которые не знают счета деньгам и границ мотовству и роскоши,— все это невольно оскорбляет порядочных женщин, ограниченных в денежных средствах, все это наводит на печальную мысль о торжестве наглости и бесстыдства и о постоянных лишениях, с которыми соединена судьба честного труженика. Потому-то люди, в сущности благородные, но не довольно сильные характером, чтобы переносить тяжкую долю посредственности, пускаются часто в спекуляции, рискуют своим состоянием, добрым именем, а прежде всего семейным счастьем, о котором не может быть и речи, когда штофные обои и эластичные рессоры фаэтона считаются первым условием разумных и сердечных наслаждений.

При таком положении дел и при возрастающей дороговизне жизни, быт рабочего класса в Париже вызывает на самые серьезные размышления. Работники, пристроенные к мастерским, приготавливают себе, посредством известных денежных взносов, вспомоществование на случай болезни и пособие на похороны. Упла-

чивая по два франка в месяц, изувеченный или больной работник получает от общества взаимного обеспечения (Association générale de l'Assurance mutuelle) по три франка в день на пропитание с семейством. Если он умирает, его прилично хоронят, и он избегает удела беспомощных людей — быть изрезанным в какой-нибудь хирургической аудитории и погребенным в общей могиле столичных пролетариев.

Но в подобных учреждениях для женщин из рабочего класса в Париже большой недостаток *, и что же прикажете делать швее, которая, работая целый день над фестонами оборки или солдатскими рубашками, получает, с своим материалом, от десяти до пятнадцати су? Этого едва достанет на хлеб и воду, на вязанку дров в зимнюю пору; а квартира, а белье, платье, обувь?.. Мудрено ли, что, при хорошенькой наружности, швея, ослабляя мало-помалу свои нравственные правила, меняет чердак на уютный и комфортабельный апартамент в бельэтаже, соломенный стул — на пружинный оттоман, — мудрено ли, что, променяв дешевую, сто раз мытую кисею на алансонские кружева и бессонные ночи за тусклым огарком и работой на бессонные ночи в оперном маскараде или загородной оргии, она свыкается с новым своим положением и, несясь в щегольском фаэтоне на модное гулянье, окидывает скромных гризет, москательщиц и чиновниц теми презрительными взглядами, против которых писалось и пишется во Франции столько гневных и красноречивых фельетонов? Удержаться от нравственного падения, посреди нужды и морального индифферентизма общества, конечно, подвиг, достойный всякой похвалы; но многие ли способны на этот подвиг? и сколько, быть может, душевной борьбы, раскаяния, отвращения и тупого отчаяния испытает иная женщина прежде, чем сделается модной лореткой, героиней маскарада и Бала-Мабиль, ужасом для скромных матерей семейств и сюжетом для вдохновения драматургов и фельетонистов!..

При таких обстоятельствах, когда вопросы о быте рабочего класса в Париже и о материальных средствах города вообще возникают с возрастающей настойчивостью, когда непрерывные перестройки стирают там с лица земли целые кварталы и улицы, — книги, разбирающие с той или другой стороны столицу Франции, получают занимательность не для праздных лишь читателей, не для одних туристов, желающих познакомиться с внешним видом города: добросовестный труд в этом роде был бы важным социальным приобретением и указал бы меры к возвышению благосостояния рабочего населения.

О Париже написано множество книг, написано с разными целями: для городского начальства, для иностранцев, для мест-

* Благотворительное учреждение для призрения женщин есть в предместьи ов. Антония.

ных жителей, для историков и т. д.; но в этом числе очень мало хороших сочинений.

Теперь явился в свет объемистый труд Лазара, под названием *Перечень парижских улиц* (Dictionnaire des rues de Paris). Это большой том in-4, главную часть которого занимает, расположенная в алфавитном порядке, история улиц и находящихся на них зданий. Книга составлена очень тщательно и приспособлена преимущественно к потребностям местных жителей. При тех беспрестанных перестройках, которым Париж подвергался в последнее время, скоро невозможно будет, без помощи подобных книг и планов, иметь понятие даже о главных из существовавших улиц, и местности, ознаменованные важнейшими историческими происшествиями, сделаются достоянием народной мифологии.

Важный недостаток книги Лазара заключается в том, что к ней приложены исторические планы города самых малых размеров, тогда как подробный атлас, обозначающий пространство и вид столицы в различные эпохи, составлял бы существенную принадлежность подобного издания. Притом же, книга эта занимается исключительно материальной стороною города, тогда как главное значение Парижа заключается не в улицах и монументах его, а в том неизмеримом влиянии, отчасти благотворном, отчасти вредном, которое он оказывал на Францию и вообще на образованный мир.

Потому появление сочинения Мендра: *История Парижа и его влияния на Европу* (Histoire de Paris et de son influence en Europe) возбудило общее любопытство.

Здесь автору предстояло победить много трудностей, потому что, рассуждая о значении Парижа и влиянии, оказанном им на те или другие события, он легко мог смешать то, что принадлежит исключительно Парижу и вытекло из особенностей его характера, с тем, что составляет достояние всей Франции. Это такие нравственные факты, которые мудрено исследовать во всей точности и представить, без преувеличения, со всеми их последствиями. Описать влияние, оказанное Парижем на идеи и литературу всего света посредством школ, посредством парламента и муниципального устройства, посредством роли, которую он играл во время Реформации и религиозных войн, посредством разных учреждений, академий, торговых и ремесленных заведений, журналов, посредством своих нравов и моды, сделавшейся законодательницею для всех высших сословий, — без сомнения, чрезвычайно мудрено. Население Парижа состоит из разнородных элементов, среди которых настоящие парижане как бы исчезают. Жители провинций и иностранцы с разных концов света превращаются в этом центре в такое племя, которое, определяя космополитские свойства города, имеет способность усваивать себе и перерабатывать все чуждое и вместе с тем оказывать

обратное влияние на весь свет, вызывая его к подражанию. Но ошибется тот, кто подумает, что подобные вопросы затронуты в книге Мендра: книга эта представляет лишь род политической истории Франции, с довольно произвольным перечнем того, что случилось собственно в Париже, и с присовокуплением скудных рассуждений о муниципальном устройстве столицы в тот или другой период времени. Между тем, влияние города на идеи народа, на искусство, науки, администрацию, на распространение французской литературы, — одним словом, все, что преимущественно действует на человечество и находит для себя материальное выражение лишь в политической истории, — все это пройдено молчанием; автор не дает даже понять, чтобы он хоть сколько-нибудь думал об этой главной стороне избранного им предмета. Таким образом, книга не достигает своей цели; содержание ее не соответствует заглавию и не удовлетворяет читателя ни как историческое сочинение, ни как картина нравов.

Для познания материальной стороны парижской жизни может служить недавно изданное сочинение Гюссона, под заглавием: *О размерах потребления припасов в Париже* (Les consommations de Paris). Автор этой книги служит начальником отделения в одном из городских учреждений и потому мог пользоваться всеми официальными источниками. Он рассматривает в подробности все припасы, которые потребляются в Париже, и основывается в своих выводах на цифрах городских сборов. По каждой статье представлены у него исторические очерки известного рода торговли или промысла и самых законоположений по этим предметам. Здесь говорится о происхождении и приготовлении товаров, о подразделении их, о ценах на припасы в то или другое время, и из всего этого выводится заключение, сколько Париж расходует ежегодно на предметы первой потребности. Автор берет в расчет рыночные и оптовые цены, прикладывает к ним барыши, извлекаемые торговцами, и приходит к следующим результатам:

Рыночная ценность припасов, продаваемых в Париже, представляет цифру 433 миллионов франков; присоединив к этому 90 миллионов франков барышей в пользу торговцев, получим всего 523 миллиона франков, что составит, средним числом, по 497 франков 44 су на человека.

Как ни значительна эта цифра, однако, она ниже действительной, потому что, с одной стороны, барыши торговцев на деле превышают принятые в настоящем расчете; с другой стороны, исчисление делалось здесь на основании цен 1851—1853 годов. На нынешние, высокие цены автор смотрит как на временные, долженствующие измениться.

Во всяком случае, этого расчета уже достаточно, чтобы дать понять, как тяжела для населения столицы подобная дороговизна жизни; к этому присоединяется еще постоянное возвышение цен

на квартиры, зависящее от беспрестанных перестроек, которым подвергается столица Франции. Бедные люди не знают, как им устроиться; народ тысячами выселяется в прилежащие к Парижу деревни и потом теряет по нескольку часов в день на ходьбу, отыскивая в городе работу.

Но, не говоря уже о бедняках, даже люди с порядочным состоянием более и более затрудняются находить себе квартиры, которые бы соответствовали их средствам и потребностям; а так как страсть к разрушению и перестройкам все увеличивается и как значительные пространства, на которых стоят теперь дома, скоро превратятся в площади и улицы, то нельзя даже определить хорошенько, чем все это кончится.

Город всячески старается возвышать сумму своих доходов: сборы увеличиваются, устанавливаются новые налоги — на собак, кареты, лошадей и пр. Но невозможно, чтобы он скупал земли, ломал и перестраивал здания на собственные средства. Прежде все надеялись, что городские сборы будут понижаемы и мало-помалу уничтожатся, по мере того, как уплатятся городские долги. Долги эти уплачены еще в 1852 году, а, между тем, сборы все увеличиваются, и теперь уже нет и речи об уничтожении их. В какой степени этот порядок вещей стесняет город и его промышленность, в какой мере обременительны подобные сборы сами по себе и по вредному влиянию их на торговлю и промыслы, от введения в дело перекупщиков и барышников и от попыток противопоставить этому искусственному злу еще более искусственные средства (как, например, надзор правительства за продажей печеного хлеба и управление делами булочных), — обо всем этом автор мог бы более чем кто-либо написать подробную и основательную статью. Он оказал бы тем важную услугу не одному Парижу, но вообще всем городам, которые в системе налогов вздумали бы следовать примеру столицы Франции; но дело в том, что служебное положение г. Гюссона не позволяет ему разрабатывать избранный предмет с этой стороны. Он говорит с энергией и увлечением о том благодетельном влиянии, которое оказало бы на быт рабочего класса и на успехи промышленности освобождение производительного труда от налогов; но в то же время он старается оправдать две погрешающие против этой системы меры, принимаемые парижским городским начальством: именно, сохранение цехов булочников и мясников.

Существование этих последних остатков цехового устройства влечет за собою разного рода вредные последствия: дороговизну жизни, невозможность предпринять какие-либо улучшения, укоренение злоупотреблений и чрезвычайные расходы. Все средства, употреблявшиеся для смягчения этого зла, не только никому не приносили пользы, но вели даже еще к большим беспорядкам. Два года тому назад вздумали, например, удержать хлеб в Париже в известной постоянной цене, при помощи особой кассы,

которая в дорогое время обязывалась вознаграждать булочников за дешевую продажу хлеба, а, наоборот, в дешевое время должна была получать с пекарей тот излишек, который оказывался бы в цене, назначенной по таксе, в сравнении с обыкновенною рыночною ценою. Эта попытка продавать хлеб одним су на фунт дешевле вольной цены повела к значительным убыткам для городской кассы, которая ищет теперь занять по этому поводу 40 миллионов франков. Между тем, город не хочет, кажется, покинуть этой системы и, без сомнения, войдет еще в большие долги; уплата процентов по займам падет также на потребителей в виде городских сборов, и жизнь будет становиться все дороже и дороже, тогда как освобождение промысла пекарей от всяких стеснительных мер повело бы само собою, вследствие одной лишь конкуренции и без всяких жертвований со стороны города, к приготовлению более дешевого хлеба.

Таким образом, нельзя не пожалеть, что г. Гюссон, прекрасно понимающий этот вопрос, не мог разработать его в своей книге с желаемой полнотою и беспристрастием, тем более, что книга его вполне поучительна и представляет такой богатый запас статистических сведений, какой едва ли можно собрать удовлетворительно для какого-либо другого города, кроме Парижа.

Франция потеряла в последнее время много замечательных людей, в том числе одного из даровитейших историков — *Августина Тьерри*, автора *Рассказов о временах Меровингов, Десяти лет исторических исследований*, и пр.

Исполняя обещание, данное читателям, скажем теперь несколько слов о жизни и трудах Тьерри.

Тьерри родился в Блуа, в 1795 году, в бедном семействе, которое употребляло последние деньги на воспитание двух братьев: *Августина* и *Амедея*. Августин учился риторике, когда ему попался в руки том сочинений Шатобриана, в котором драматически описывается сражение франков с римлянами в Батовских болотах. Чтение этой книги решило карьеру молодого Тьерри.

Выйдя из коллегии, в 1811 году, он поступил в Нормальную школу и скоро сделался провинциальным учителем. Около 1814 года, прервав сношения с университетом, он сделался приверженцем Сен-Симона, а в 1817 году начал заниматься редакцией «*Censeur européen*», лучшего либерального журнала того времени. При этом должно припомнить, что в области истории авторитетами тогда были Милло, Гарнье и Анкетиль, которые заставляли Хлодвига носить парик, Фредегонду — пудриться и королеву Бланку — надевать фижмы. Августину Тьерри суждено было произвести в истории переворот по пути, подготовленному Шатобрианом, и, возвышаясь над летописцами и пошлыми рассказчиками, притти к новым, живым научным данным.

Очерк своих произведений и план исторической реформы

Тьерри изложил в письмах, которые печатались в «*Courrier français*» 1821 года. С тех пор, распрощавшись с светом, он с ревностью бенедиктинца погрузился в изучение текстов, ища в них преимущественно разрешения задачи о вторжении германских племен. Плодом этих трудов были два произведения, столь же замечательные по форме, сколько важные по внутреннему содержанию, — произведения, сделавшие переворот в исторической литературе: *История завоевания Англии норманнами* (*l'Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands*), появившаяся в 1825 году, и *Письма об истории Франции* (*Lettres sur l'Histoire de France*), изданные в 1827 году. Автору не было еще тогда и тридцати лет; но уже и в эту пору господствующую страстью его была привязанность к науке. Эта страсть вызвала его на следующую фразу, которую мы читаем в одном из его предисловий: «Если бы мне пришлось снова выбирать карьеру, я бы выбрал ту же, которая привела меня к настоящему положению. Будучи слепым и страдая без надежды получить облегчение, я могу, без опасения возбудить сомнение в искренности моих слов, удостовериться, что в свете есть нечто лучшее вещественных наслаждений, богатства и самого здоровья: это — преданность науке».

Августин Тьерри дорого поплатился за попытку разрушить уродливые формы истории и разработать историю либеральных начал французского народа. Зрение его, от чтения рукописей, все более и более утомлялось, а уединенная и суровая жизнь разрушала его организм. Напрасно предпринимал он путешествие на юг Франции, в сопровождении друга своего г. Фориеля. По возвращении своем, он стал искать для себя секретаря. Ему представили молодого человека, Армана Карреля. Под руководством Тьерри, будущий редактор «*National*» приобрел первые исторические сведения, которые применены были им потом к делу последних революций. В 1830 году Августин Тьерри призван был занять место в Институте по отделению Надписей и Словесности. Ученое сословие, из уважения к его необыкновенным дарованиям, постоянно предоставляло ему премию в десять тысяч франков, установленную бароном Гобером.

Августин Тьерри скоро принужден был оставить Париж, где климат разрушительно действовал на его здоровье. Он жил потом в Везуле, вместе с братом Амедеем, служившим префектом Верхней Сены, и в Люксёле. Амедей Тьерри известен также, как писатель, своей *Историей Галлов* (*Histoire des Gaulois*).

В Люксёле Августин Тьерри встретился с Юлией Керангаль, благородной бретонской девушкой. Ее тронуло несчастное положение гениального писателя, и она решила соединить свою судьбу с его судьбою. Не говоря уже о прекрасном сердце г-жи Тьерри, женщина эта отличалась необыкновенным умом и, участвуя в исторических трудах мужа, сделалась известною и

собственными сочинениями. Супруги Тьерри, в течение лета, часто жилали в долине Монморанси, близ Эрмитажа, прославленного Жан-Жаком Руссо, и занимали там маленький коттедж, отделанный в итальянском вкусе. Гениальный страдалец проезжал по этим местностям в ручной коляске, умственно созерцая ландшафты, перед ним расстилавшиеся; иногда же переносил его из комнаты в комнату особый приставленный для того слуга. Вся нижняя часть его тела поражена и оставалась всегда открытою плащом. Зато голова его была очаровательна. Она поднималась с широких плеч и украшена была густыми черными волосами, начавшими сесть прежде времени. Глаза Тьерри были открыты и недеятельность их заметна была лишь по тусклому и блуждающему взгляду его. Бюст его оставался в здоровом состоянии; но на руках у него действовали только большой и указательный пальцы. Со времени издания *Писем об истории Франции* Тьерри ничего уже не писал сам.

Перед смертью своей Августин Тьерри жил на зимней квартире, на Монпарнасском бульваре. На похоронах его собралось много знати, ученых и литературных знаменитостей. Брат покойного предводительствовал погребальным кортежем.

Кроме Тьерри, из замечательных лиц во Франции сошли со сцены Поль Моле-Жентильом, романист и драматический писатель, и Бине (Жак-Мария-Филипп), президент Академии наук, математик, профессор астрономии во Французском коллеже, бывший инспектор классов в Политехнической школе и пр.

Моле-Жентильом умер от апоплексии, 42 лет. На театрах играют многие из его пьес и, между прочим, *Графиня Наваль* (Comtesse de Navailles), имевшая успех.

Бине родился в Ренне, в 1786 году. Будучи человеком религиозным и монархистом, он считался одним из политических оптимистов Реставрации. С 1830 года он избрал для себя ученое поприще и уже не оставлял его. Бине написал значительное число *Мемуаров* о разных важнейших вопросах из области математики и астрономии и участвовал в редакции *Небесной механики*. В Институт он поступил лишь в 1848 году, хотя давно уже считался кандидатом в члены по отделению Геометрии.

В Париже, на сцене Большой оперы, дебютировала новая певица m^{lle} Моро-Сенти. Она рекомендована была Обером для оперы *Бронзовый конь*, которую хотели поставить на этой сцене. Потом предназначили ее для опер: *Божество и баядерка*, *Вильгельм Телль*, *Флорентинская роза*; наконец она появилась перед публикою в *Сицилийских вечерах*.

Моро-Сенти, по отзывам журналов, обладает прекрасною наружностью; голос ее довольно обширного размера, но она не форсирует его и не кричит. У нее прекрасная вокальная метода, в игре много выражения и страсти.

Г-же Жорж Санд нет удачи на сценическом поприще. Пере-

делка ее из Шекспира, под названием *Comme il vous plaira* *, постановка которой на Французском театре, не считая платы автору, стоила более пятнадцати тысяч франков, приносила дирекции каждый раз, несмотря на дожди и участие г-жи Арну-Плесси, довольно значительные убытки, так что, после десяти или двенадцати представлений, сопровождавшихся для публики невыносимой скукой и энергической зевотой, произведение это предано, кажется, совершенному забвению. С большим успехом давали на этой сцене *Амфитриона* Мольера, пьесу, которая не была играна уже 8 или 10 лет, и *Жоконду* гг. Фуше и Ренье, о которой мы говорили в свое время с читателями и которая игралась уже в Петербурге.

Пьеса Октава Фелье под названием *Деревня* (*Le Village*), несмотря на простоту обстановки и незатейливость сюжета, очень понравилась парижанам. Эта пьеса также знакома петербургской публике. Вот содержание ее:

Нотариус Дюпюи удалился в деревню и наслаждается полным семейным счастьем. Но к нему приезжает один из его друзей, Рувьер, который рассказами о своих путешествиях и жизни, полной приключений, сбивает с толку бывшего нотариуса и внушает ему смелое желание странствовать. Г-жа Дюпюи скоро узнает о намерении мужа, покоряется его решимости с полным самоотвержением и тем самым обезоруживает друзей. Рувьер теперь сам старается отклонить Дюпюи от путешествия и в заключение остается разделять с ним сельское уединение.

В пьесе *Ученые жены* (*Les Femmes savantes*) дебютировала m-lle Эдиль Рикье, со сцены Гимназии. Это актриса с прекрасною наружностью, полная грации и благородства в игре и манерах.

На сцене Водевиля шла пьеса Луи Люрина и Раймонда Деланда, под названием: *Женщины, расписанные собственною рукою* (*Femmes peintes par elles-memes*). Жюли Бодень явилась тут в платье, на юбку которого употреблено было до шестидесяти аршин тафты. Понятно, что дамы заинтересовались и платьем, и пьесой, и артисткой, которая умеет носить подобные платья, и даже швеей, которая умеет тратить такое огромное количество материи.

Вообще, пользуясь летним ненастьем, театры получали довольно хорошие сборы.

Цирк с Темпльского бульвара переведен в Елисейские поля и под руководством г. Дежана много выиграл в последнее время. Здесь прекрасные паяцы и наездницы. Представление начинается в восемь и оканчивается в десять часов. Это очень удобно и неустойчиво.

На сцене другого цирка, императорского театра этого имени,

* Как вам будет угодно. — Ред.

играют драму Огюста Люше, под названием: *La Marchande du Temple* *. По отзывам журналов, в этом произведении много силы, жизни, одушевления, веселости и прекрасных подробностей.

На Итальянском театре давал недавно большой концерт контрабасист Боттезини. Публики собралось очень много, и артист был принят прекрасно. Его упрекают только за то, что он издает на своем инструменте всевозможные звуки, кроме тех, которые свойственны исключительно этому инструменту: он играет на виолончеле, на скрипке, на гармонике, на чем угодно, а, между тем, вы не услышите от него ни одной настоящей контрабасной ноты.

В этом концерте участвовали Фреццолини и еще баритон-дилетант Винтер, которому предсказывают блестящую артистическую карьеру.

29 (17) мая в Англии, и особенно в Лондоне, происходило торжество по случаю заключения мира. Утром в этот день газеты были наполнены предостережениями публике против беспорядков, которые могли случиться в толпе, а на другой день рассыпались в похвалах лондонским жителям за то спокойствие и благоразумие, с которыми они участвовали в празднике.

С северо-запада, по Реджент-парку, Оксфордстриту, Редженстриту, Чарингкроссу, Странду, Вейтголла, мимо казарм конной гвардии, Сен-Джемского парка, Поллмолла и клубов, чрез Джемстрит, Пиккадилли, Гринпарк и Гайдпарк тянулись бесконечные толпы народа. Впрочем, замечательного разнообразия, изобретательности, присутствия поэтического элемента или влияния фантазии во всей этой праздничной обстановке видно не было.

Изречение Джона Булля: *We are practical people* **, оправдывалось на деле. Королева пожелала, чтобы торжество в честь мира совпадало с празднованием дня ее рождения, и практический смысл народа тотчас понял, как извлечь для себя из этого желания материальную выгоду. Букв V и A было много заготовлено для ежегодного празднования рождения и именин королевы, и теперь из слова *Victoria* составить слово *Victory* *** оказывалось очень удобно. Латунные и жестяные звезды (*stars*), приспособленные для газового освещения, произвели бы недурной эффект; но дело в том, что они появлялись уже и прежде, на тех же самых местах и в том же сочетании друг с другом, как и в день последнего торжества. Подобные созвездия относились к прочим родам иллюминации, как 9 к 1. За весьма малыми исключениями, к числу которых принадлежал отель лорда Варда в

* Торговка с Тэмпльского бульвара. — *Ред.*

** Мы практический народ. — *Ред.*

*** Победа. — *Ред.*

Парк-Лэне, отели нобльменов вообще были проще, скромнее и патриархальнее иллюминированы, нежели купеческие магазины и лавки. Лорд Пальмерстон, граф Дерби и лондонский епископ выставили на домах своих по Пиккадилли и Сен-Джемс-скверу лишь несколько висячих шкаликов, корону и буквы V и A. Они вспомнили, вероятно, как замечает одна газета, что *величие неразлучно с простотою и скромностию и что первый император французов носил обыкновенно серый сюртук*. Более разнообразным комбинациям на транспарантах подвергалась буква P, то красуясь в одиночестве, то образуя слова Peace, Pax * или фразы вроде следующих: Welcome peace **; Esto perpetua pax ***; Peace, may it bless our country ****, при чем проявлялся и некоторый скептицизм, как, например, в фразе: May it be a lasting one! *****. Лондонская компания омнибусов, на доме в Странде, избрала своим девизом прославление единства; но, выставив надпись *Unity is strength* *****, она, конечно, думала более о своих интересах, нежели о двух подружившихся государствах. На Армейском и Флотском клубах, в Поллмолле, красовалась надпись: *Unitate fortior* *****, и под нею: *Victoria*. Наконец, замечательно, что г. Коллетт (известный артист) перед своим домом на Бельгравстрите вывесил следующую нецеремонную надпись: «В знак скорби, по случаю бесславного мира, как последствия постыдно веденной войны!» Не менее выразителен был поступок продавца зонтиков на Оксфордстрите: он покрыл товар свой флером и выставил два флага с надписями: «*Карс и Голодная смерть (starvation)*». На окнах одного дома виднелись изображения вдовы, оплакивающей мужа, и матери, потерявшей сына. Спереди этого дома висело длинное черное суконное покрывало, с надписью: «Оплакивают падших храбрецов»; при входе в дом стояло шестнадцать траурных подсвечников, и под ними сделана надпись: «Ночники для мертвых».

С тех пор, как лондонские дипломатические салоны стали заниматься «итальянским вопросом», а английская и французская журналистика начала представлять грозные политические статьи, это движение оказало сильное влияние на находящихся в Англии изгнанников из разных итальянских государств. Эмигранты, которые для выполнения своих планов надеялись на помощь Англии, Франции и Сардинии, не хотят разувериться в том, что что-то готовится в пользу Италии. Эта часть политических

* Мир. — Ред.

** Добро пожаловать, мир! — Ред.

*** Да будет постоянный мир! — Ред.

**** Пусть мир осчастливит нашу страну! — Ред.

***** Пусть он будет продолжительным! — Ред.

***** Единение — сила. — Ред.

***** От единения больше силы. — Ред.

беглецов придает особенное значение составлению англо-итальянского легиона, который она считает выражением сильной угрозы врагам Италии. Потому эмигранты не перестают трудиться для упрочения дружбы с Англией и в религиозном отношении и стараются заключить союз с англиканской пропагандой, в видах распространения протестантских идей в Италии, — вследствие чего английское духовенство, представляющее вместе с правительством значительную силу, чрезвычайно интересуется итальянским переворотом.

Английское Библейское общество поддерживает, с своей стороны, это протестантское направление, сообщенное эмигрантами, и обе стороны сходятся в чувстве непримиримой ненависти к Риму. Изгнанники стараются уверить английское духовенство, что революция Италии была бы более религиозной, нежели политической, и хитрость эта им удается. В доказательство того приводят, что, при содействии эмигрантов, 10 000 библий в итальянском переводе посланы из Лондона в Геную для распространения потом по всей Италии. Таким образом, итальянские эмигранты нашли себе сильную поддержку в самых верхних слоях общества. В половине мая изгнанники устроили собрание в одном ресторане на Лейстер-сквере, где все соучастники появились с итальянскими кокардами. Переговоры начались в первом этаже дома, при запертых дверях, и продолжались до поздней ночи. Станным казалось при этом присутствие многих эмигрантов, которые из пьемонтских владений прибыли чрез Геную и Францию с сардинскими паспортами.

Наряду с народными протестациями против запрещения воскресной музыки в парках, другое проявление свободомыслия заключается в приготовленном Нижнею палатою адресе королеве, касающемся полного пересмотра перевода библии. Основания этого адреса положены на митинге Английского Библейского института 1 апреля нынешнего года. Адрес этот — за подписью президента Института, Вильсона, и распадается на три части. Здесь излагаются причины ходатайства, зависящие от свойства самого перевода.

Принятый в Англии перевод библии сделан был еще в то время, когда филология находилась в младенчестве (1611 г., в царствование Иакова I). По словам адреса, в простом переводе допущены важные ошибки. В этом может убедиться всякий, кто текст принятого английскою церковью перевода Нового завета сличит с трудами новых библейских толкователей в Англии, например, Самуэля Шарпса, известного египтолога и филолога *. В сочинении, изданном этим ученым под заглавием *Критические*

* Самуэль Шарпс — племянник Самуэля Роджерса, о котором мы говорили уже с читателями. Египетский отдел Сейденгемского хрустального дворца составлялся по указаниям Шарпса.

замечания на английский перевод Нового завета (Critical Notes on the English translation of the New Testament), указывается, какими грубыми, совершенно искажающими смысл, ошибками наполнен английский перевод Библии.

В «Times» было в последнее время много статей, рассуждавших о Британском музее. Даже парламент, по предложению лорда Джона Росселя и его друзей, занимался этим предметом. В номере на 22 мая толковали о необходимости централизации библиотеки Музея и о том, что прочие коллекции требуют более эстетического и приятного на взгляд распорядка.

Библиотека Музея была до сих пор бесполезным складочным местом ученых пособий, хранилищем слитков золота и серебра, драгоценною кассою, от которой ключи потеряны. Там есть все для утоления умственного голода и жажды; но нужно слишком много напряжения, чтобы сорвать плод с этого дерева познания добра и зла. Английский формализм и «рутина», всепожирающий сфинкс английской жизни, делают это дерево почти недоступным. Но Англия теперь на пути к «реформе» (не к той реформе, впрочем, которая ознаменовала тридцатые годы), и представители власти решились, кажется, строить для искусств и науки дворцы, — строить их с большим вкусом и знанием дела, чем какие заметны в Павильоне Георга IV в Брайтоне или в Национальной галлерее на Трафалгар-сквере.

По словам «Times», новая зала для чтения при Британском музее находится возле нынешнего здания Музея; она окружена длинным коридором и завершается куполом, которого внутренний разрез только на два фута ниже купола Пантеона. «Times» говорит, что этот купол, в сравнении с куполом Пантеона, представляет даже более выгодное освещение, более привлекательности в плане и более учености в производстве постройки. Для занимающегося в зале соединены всевозможные удобства: каждый посетитель будет получать особый пюпитр, стул, лампу с абажуром и стол, довольно большой для того, чтобы поместить все необходимые книги и карты. Кругом по стенам залы устроятся полки, на которых устанутся 35 000 томов, к этим полкам будут подходить по легким железным галлереем. Все это пространство будет нагреваться самым удобным образом.

Но в прекрасном здании библиотеки, по словам «Times», не будет ни живых красок по стенам, ни произведений живописи и скульптуры, ни лепных украшений. «Лондон — бесцветная столица!» жалобно восклицает газета. «Наш город производит на зрителя такое же впечатление, как ландшафт, нарисованный сепией». В Англии все серо и мрачно — drab-coloured*. Там не умеют придавать полезному красоте и грацию. Теперь там более

* Тускло по краскам. — Ред.

суровости и простоты во внешности, чем было 150 лет тому назад. Вообще, английские нравы — загадка.

В Лондоне Лонгмон и К^о издали сборник под названием: «Справочная книга британского консула» (The British Consul's Manual). Книга эта может служить важным пособием для консулов разных наций. Автор ее г. Тузон, секретарь австрийского генерального консульства в Лондоне, с неутомимым терпением перебирал и сличал материалы, касавшиеся этого предмета, и извлек из них наиболее необходимое. Все, что касается прав и обязанностей консула, его общественного положения и отношений к торгующему сословию, все узаконения различных государств по части торговли и мореплавания, — все это изложено в объеме 572 печатных страниц, при чем сжатость не мешает подробности и определительности сообщаемых сведений. Автор приводит имена 87 писателей, трудами которых он руководствовался при составлении своей книги.

Книга начинается историческим очерком происхождения консульств. Отсюда мы узнаем, что первый английский торговый консул был Леонардо Строцци в Пизе (1485 г.); за ним следовали: Чензио де-Менеада Лескес в Кандии (1522 г.) и Бенуа Джустиниани в Скио (1531 г.). Г. Тузон одобряет систему английского и североамериканского правительств, которые назначили своим консулам приличное содержание и тем избавляют их от необходимости прибегать к посторонним занятиям, для добытия себе куска хлеба. Напротив того, германские и австрийские консульства в Америке и Азии находятся в самом жалком положении, при чем способности, степень образования и самые поступки их агентов слишком далеки от того, чтоб внушить туземцам уважение к нациям, которые эти агенты представляют.

18 лондонских журналов, в том числе «London Times», «Athenaeum», «Morning Herald», «Civil Service Office», «Mercantile Gazette», «Journal of Commerce», «Economist» и т. д., отозвались о труде г. Тузона с самой лучшей стороны.

В литературном мире Англии мало замечательных явлений. Начал издаваться новый ежемесячный журнал: «The London University». Он занимается переводами из Шиллера.

Другие обозрения толкуют о памфлете Монталамберта, хваля, или порицая его, смотря по тому, к какой партии принадлежат. Третий выпуск сочинения Майгью о Лондоне представляет подробное и любопытное описание большой образцовой тюрьмы в Пентонвилле. *Малютка Доррит* Диккенса тянется без всякой видимой причины, кроме той, чтобы наполнить известное число листов¹.

Диккенс купил себе под летнюю резиденцию Гадсгилль, прославленный Шекспиром.

Появился последний том биографии Томаса Мура, написанной лордом Джоном Росселем.

В «Times» помещена статья о представленном проекте железной дороги в Индию. О проекте этом упоминал в Нижней палате председатель Индейского отделения (Вернон Смит). Проект исходит от лица, пользующегося большим авторитетом, именно от Макдональда Стефенсона, и «Times» говорит об этом предприятии с живым участием. Вот в чем дело:

Дорога будет продолжением средневропейских линий и поведет чрез Белград и Константинополь. В Скутари она начнется снова и пойдет в Исмид, оттуда по долине реки Сахариа к Северигиссуру, потом к Аксераю и Куринским горам, далее к верховьям Евфрата, на Багдад и Бассору к Персидскому заливу.

«Times» замечает: «Трудности, представляемые местностью, не очень значительны. Для половины дороги по долине Евфрата материал доставлять будет легко. Насчет возможности выполнения этого проекта почти нет сомнения».

В Бассору послан инженер для съемок, и публика скоро узнает результат его исследований.

Проект продолжения линии чрез Индию к Инду «Times» считает сумасбродством. Вражда населения Белуджистана и невежество тамошних жителей представили бы в этом случае, по мнению газеты, еще более серьезные препятствия, чем горы и степи.

Расстояние от Скутари до Персидского залива составляет 1 300 английских миль. По исчислению «Times», построение дороги обойдется в 10 000 фунтов стерлингов с каждой милю.

Основываясь на опыте индейского и восточного пароходства, газета ожидает и для дороги успеха, особенно, если это предприятие найдет поддержку в правительстве.

Стефенсон полагает, что построение дороги сократит расстояние между Англией и Индией до семидневного пути.

Содержание, получаемое английскими чиновниками в Остиндии, очень значительно: так, например, губернатору выдается в месяц 10 666 рупий, членам совета (Council) 5 333, старшему секретарю 4 166, генерал-почтмейстеру 2 333, главному сборщику податей 3 000 рупий*.

Но, к чести этих лиц, должно сказать, что многие из них, вместо того, чтобы все свои доходы употреблять на прихоти или копить деньги из привязанности к золоту, обращают их в пользу страны, обеспечившей их благосостояние.

Один из таких примеров представляет живущий в Шотландии гражданский чиновник бенгальской службы, который несколько лет тому назад назначил премию в 300 фунтов стерлингов за «лучший опыт изложения индейской философии по системам Веданта, Нжая и Санкия», положил эту сумму в банк гг. Гор в Лондоне и поручками (Trustees) избрал кантерберийского

* Рупия равняется 16 германским грошам, или 50 коп. сер.

архиепископа и епископов лондонского и оксфордского. Составленная этими лицами испытательная комиссия из двух профессоров Кембриджского университета, Милля и Вевелля, и известного Гораса Геймана Вильсона, профессора санскритского языка в Оксфорде, не признала ни одного из поданных до конца 1854 года сочинений достойным премии, и потому в прошлом году назначен на этот предмет новый срок, который окончится в декабре 1857 года, с тем, что хотя от сочинения и требуется, чтобы оно было написано на английском языке, но к соискательству допускаются не одни уроженцы Великобритании и Ирландии.

В Милане вышел перевод «Потерянного рая» Мильтона, сделанный Беллати *. Попытка эта достойна серьезного внимания, потому что библейско-пуританский характер поэмы нелегко поддается переводу, особенно на итальянский язык. Антонио Беллати не новичок в искусстве переводить. В 1828 году он издал «Saggio di poesie allemanne» (Опыт германской поэзии, которого второе издание сделано в Милане в 1832 году). Здесь заключались произведения Гете, Шиллера, Бюргера, Якоби, Гёльти, Маттисона, Тидге, Салиса, Уланда, Эберта. Это был прекрасный сборник с биографическими очерками. Но само собою разумеется, что перевод «Потерянного рая» представляется трудом несравненно более замечательным. Беллати долго боролся с трудностями подлинника, и многие из них победил очень успешно. Весь тон произведения выдержан прекрасно; стих отличается умеренностью в движении, и если попадают места тяжелые **, периоды слишком растянутые, то должно вспомнить, что и в подлиннике встречаются периоды по пятнадцати и двадцати стихов; притом же, итальянская поэзия любит вообще некоторую сложность и запутанность в построении периодов. Чтобы дать понятие, в какой степени Беллати успел в своей попытке, сделаем две выписки.

Для примера возьмем сперва то место (I, 283), где описывается, как сатана приближается к берегу, неся на плечах тяжелый щит, который напоминает собою облик месяца, отражающийся в оптическом стекле Галлилея:

— «Già lo gran nemico
Movea verso la spiaggia; il ponderoso
Scudo tondo, massiccio, smisurato,
D'eterea tempra avea gittato a tergo:
Il grand'occhio pendea dalle sue spalle.
Ala luna simil, quand e ne guarda
L'ampio globo l'artefice Toscano»

* Il Paradiso perduto di Milton, Traduzione di Antonio Bellati. — В прошлом году некоторые места поэмы Мильтона переведены были Маффеи.

** Байрон находил это свойство и в подлиннике поэмы Мильтона: «A little heavy, but no less divine» (Don Juan, III, 91).

Di Fiesole sul colle, od in Valdarno
 La sera a discovrirne entro le macchie
 Per virtù di cristalli nuove terre,
 E fiumi, monti»*.

Изображение первой человеческой пары (IV, 295) передано им в следующих стихах:

-- «Non erano eguali e diffe:ente
 Avean col sesso e qualitate e forma:
 Egli ad alti pensieri, egli al valore
 Era formato ed ella alla do'cezza,
 Ed alla grazia che soave alletta;
 Era cre:to l'uom solo per Dio,
 Ed ella era per Dio creata in lui**»

* В подлиннике сказано таким образом:

He scarce had ceased when the superior fiend
 Was moving toward the shore; his ponderous shield,
 Ethereal temper, massy, large, and round,
 Behind him cast; the broad circumference
 Hung on his shoulders like the moon, whose orb
 Through optic glass the Tuscan artist views,
 At evening from the top of Fesole,
 Or in Valdarno, to descry new lands,
 Rivers, or mountains, in her spotty globe.

Т. е.: едва он (Вельзевул) перестал говорить, как сатана направил стопы к берегу, забросив за спину тяжелый, из воздушного раствора, плотный, громадный, круглый щит; обширная плоскость щита, лежавшая на плечах сатаны, походила на месяц, которого диск представляется в оптическом стекле тосканского ученого (Галилея), когда он вечером делает наблюдения с вершины Фезоле или в Вальдарно, желая открыть на запятнанной поверхности светила новые земли, реки или горы.

Бернгард Шуман, издавший в 1855 году немецкий перевод «Потерянного рая» вместе с «Возвращенным раем» (Paradise regained) передал эти стихи таким образом:

Kaum schwieg er, als der Feinde Haupt dem Ufer
 Sich zubewegte. Sein gewicht'ger Schild
 Von Aetherstoff gediegen, breit und rund,
 Hieng auf den Schultern ihm, dem Monde gleich,
 Nach dessen Scheibe der toscan'sche Künstler
 Vom Gipfel Fiesole's vom Thal Valdarno
 Durch das geschliffne Glas am Abend schaut,
 Um auf der flock'gen Kugel neues Land
 Und Ströme und Geberge zu entdecken.

** В подлиннике говорится:

— thought both
 Not equal; as their sex not equal seemed;
 For contemplation he and valour formed;
 For softness she, and sweet attractive grace,
 He for God only, she for God in him.

Т. е.: хотя они и не представляли между собою сходства так же, как различались полами: он создан для размышления и доблестных подвигов, она для нежности, приятной и привлекательной грации; он сотворен непосредственно богом, она — богом же, но через посредство его.

Беллати задает себе вопрос, может ли Мильтон найти теперь читателей, и, кажется, остается в сомнении. Впрочем, Италия до сих пор считается отечеством эпоса, и ни у одного народа нет такого терпения, необходимого для создания эпической поэмы, как у итальянцев, несмотря на их живой характер.

Главные журналы² Соединенных Штатов суть те, которые издаются в Нью-Йорке, политической и коммерческой столице Северной Америки.

Первое место занимает «New-York Herald», журнал консерваторов и защитников невольничества. Быв постоянным поборником идей демократической партии, этот журнал ратует нынче против правительства за отказ, полученный будто бы его главным редактором от Пирса, у которого он просил места посланника.

Затем следует «Tribune», принадлежавший некогда радикальной ветви партии вигов, но стремящийся теперь к уничтожению рабства.

«Daily Times» отличается от предыдущего журнала более резким характером своей полемики. Теперешний главный редактор этого журнала, г. Раймонд, был прежде помощником редактора «Courier and Enquirer». Теперь он вице-губернатор штата Нью-Йорка.

«Courier and Enquirer» принадлежит генералу Джемсу Ватсону Веббу. Некогда этот журнал был сильным приверженцем демократической партии; но во время борьбы Джексона с Банком³ он отделился от этой партии и сделался главным органом вигов. Когда виги скрылись с политической сцены, Courier перешел на сторону консервативной партии, придерживаясь в то же время католицизма. С тех пор как большая часть консерваторов из вигов поглощены но-нотингами (know-nothings)⁴, его убеждения на этот счет несколько изменились.

«Evenig-Post», выходящий под редакцией поэта Брианта, ветерана американской журналистики, есть самое старое из нью-йоркских повременных изданий. Он был предан демократической партии до тех пор, когда вопрос о невольничестве привел эту партию в расстройство. Теперь он склоняется к демократическому слиянию.

«Journal of Commerce», сообразно названию своему, есть издание чисто коммерческое. Когда он удаляется от обычной нейтральности по политическим вопросам, то ратует, большею частью, за демократию и протестантизм.

«Express» и «Commercial Advertiser», принадлежавшие некогда к консервативной партии вигов, поддерживают теперь ту отрасль но-нотингов, которая защищает невольничество.

Провинциальные журналы в Соединенных Штатах имеют лишь местное значение. Из этого числа должно, впрочем, исключить те, которые издаются в правительственных резиденциях и

которые сообщают самые достоверные отчеты о прениях Конгресса, «Упиоп» есть орган правительства, а «National intelligence» — орган консерваторов.

Замечательно, что умеренная демократическая партия, начиная с 1832 года, почти не находила себе в нью-йоркской журналистике официального предствителя, хотя было время, когда демократия была господствующим элементом в этом городе.

С другой стороны, один из известнейших журналов Новой Англии, «Boston-Post», прославился именно упорством, с которым защищал демократию в городе, проникнутом вигизмом, и начало рабства посреди населения, противного невольничеству.

По поводу размолвки между Англией и Северо-американскими штатами оба государства старались, посредством газетных статей, показать свету, какими средствами они располагают на случай войны.

В этом отношении любопытны, между прочим, следующие статистические данные о разных штатах Союза.

Население штатов, по новейшим исследованиям, составляло:

	1850	1855
Штаты Новой Англии (6)	2 728 116	3 030 987
Средние штаты (5)	6 573 301	7 339 047
Южно-атлантические штаты (5)	3 952 837	4 202 418
Юго-западные штаты (7)	4 303 522	5 045 761
Западные штаты (7)	5 397 518	6 951 713
Штат Тихого океана	224 435	327 108
Территория	92 298	189 126
Округ Колумбия	57 689	58 127
	<hr/>	<hr/>
	23 329 716	27 114 287

Народное богатство подразделено таким образом:

	1850 доллары	1855 доллары
Штаты Новой Англии	1 012 986 102	1 178 098 747
Средние штаты	1 593 256 929	2 387 491 021
Южно-атлантические штаты	1 266 552 334	1 304 128 824
Юго-западные штаты	1 252 873 948	1 639 126 449
Западные штаты	679 404 529	1 926 515 811
Штат Тихого океана	21 923 173	56 982 320
Территория	11 486 116	19 750 000
Округ Колумбия	16 183 755	23 000 000
	<hr/>	<hr/>
	5 854 666 886	8 535 093 172

В сложности, приращение народонаселения и богатства усиливалось по направлению к западу, в следующей пропорции:

	Населениз	Богатство
В Штатах Новой Англии	10 процентов	16 1/3 процента
» Средних штатах	11 6/10 »	почти 50 »
» Северо-западных штатах	28 8/10 »	119 »
» Штате Тихого океана	45 4/10 »	159 6/10
» Территории почти	105	72 »

Торговля Союза с Британской Америкой представляла следующие цифры:

Годы	Вывоз. Доллары	Привоз. Доллары
1851	12 014 923	6 693 122
1852	10 509 016	6 110 229
1853	13 140 642	7 550 718
1854	24 556 924	8 928 560
1855	27 806 020	15 136 784 •

Большая часть торговли производилась с Канадой, так что в 1855 году вывоз туда простирался до суммы 18 720 354 долларов, а привоз оттуда представлял цифру 8 142 314 долларов*.

< ИЗ № 8 «СОВРЕМЕННОГО» >

Казимир Бонжур. — Г-жа Жиранденье. — Новые французские книги. — Деятельность Германии по части теории искусства. — Новый журнал Шазлера. — Книга Цана. — Жары и запустение в Лондоне. — Новый проект для отыскания Франклина. — Объяснение китайской революции.

Французская драматическая литература понесла потерю в лице г. Казимира Бонжура, пользовавшегося когда-то известностью. Казимир Бонжур был прежде учителем, а потом поступил на службу в Министерство финансов. Здесь он написал первую свою пьесу *Мать-соперница* (*La mère rivale*), которая, точно так же, как и другое произведение его — *Деньги* (*L'Argent*), отзывалась чиновничьим слогом. В *Счастливом муже* (*Le Mari à bonnes fortunes*) представлялось уже больше живости, более яркого дарования, что заставило начальство автора предположить в нем неспособность к служебным занятиям. По выходе в отставку он написал еще пять или шесть пьес, которые не оправдали, впрочем, общих ожиданий. Когда наступила революция 1830 года, Казимиру Бонжуру, сделавшемуся известным не столько своим талантом, сколько по случаю принужденной отставки от службы, предложили место префекта, от которого он, однако, отказался. Он довольствовался должностью библиотекаря, в которой и кончил жизнь. В последние годы он дал свету заметить о своем существовании изданием романа *Несчастье богача и Счастье бедняка* (*Le Malheur du riche et le Bonheur du pauvre*). Попытки его поступить в Академию оставались без успеха.

Недавно появился в печати сборник журнальных статей, написанных по случаю смерти г-жи Жиранденье; но в это издание не вошло лучшее сочинение об этой писательнице, автор которого, г. Таксиль Делор, известен в области легкой, фельетонной литературы.

* «Allgemeine Zeitung», «Athenaeum», «Indépendance Belge», «Revue Britannique», «Revue des deux Mondes», «Illustration» и пр.

Вот что говорит он, между прочим, о деятельности г-жи Жирарденъ: «Мудрено найти в нашей литературе что-нибудь более трудное для выполнения, чем эта ежедневная история нравов, театра, идей, мод и удовольствий утонченного общества. Ничто не требует от ума писателя столько пронизательности, легкости и вместе глубины, как подобная работа. И продлить существование этих мимолетных заметок, описывающих так называемую современность, долее минуты, видевшей их рождение, значит осуществить одну из труднейших литературных задач».

По поводу сочинения г. Чихачева: *Климатологические изыскания в Малой Азии*, и записки об этом труде, поданной г. Бекерелем в Парижскую Академию наук, был обсуждаем вопрос об истреблении лесов. По указаниям автора, истребление лесов в Малой Азии понизило там среднюю температуру лета, возвысило среднюю температуру зимы и было причиной появления болот. Это заключение подкреплено множеством фактов. Но для правильного определения последствий, могущих произойти от истребления лесов, необходимо сообразить многие топографические условия, так как в двух разных местностях уничтожение лесов может сопровождаться диаметрально противоположными явлениями. Таким образом, вопреки примеру, приводимому г. Чихачевым, может случиться, что от оскудения лесов лето делается более сухим и жарким, а зима более холодною, так что обнажение почвы земли повлечет за собою более значительную разницу между крайними температурами лета и зимы. Относительно большей или меньшей влажности почвы, уничтожение лесов ведет также к весьма различным результатам. Говоря вообще, леса защищают почву от солнечных лучей, которые теряются в густой листве, позволяют парам сгущаться в тени деревьев, таким образом, сохраняя влажность, поддерживают растительную силу.

Г. Буамон, которого физиологические и психологические исследования пользуются большою известностью, издал недавно книгу, в которой излагает собранные им данные о статистике самоубийства*.

В предисловии к этой книге он говорит:

«Рассмотрев примеры самоубийства в древности, в средние века и в нынешнее время, мы приходим к следующему заключению: 1) Время отдаленной древности, по свойству господствовавшего тогда религиозного и философского учения, имевшего характер пантеистический, в особенности содействовало развитию самоубийства; 2) напротив того, в средние века, утверждение религиозных чувств и философского спиритуализма много

*: «Du Suicide et de la Folie Suicide». Par A. Brierre de Boismont. Paris Baillière.

способствовало ограничению самоубийства; 3) в новейшие времена возрастающее неверие, скептицизм и равнодушие дали опять толчок развитию этого преступления».

По указаниям автора, число случаев самоубийства представляло с 1834 по 1843 год следующие цифры: во *Франции* — мужчин 17 904, женщин 6 969, всего 24 873; в *Париже* — мужчин 3 215, женщин 1 380, всего 4 595. Самоубийцы в Париже подразделялись, относительно средств к существованию, следующим образом: богатых было 126; людей достаточных 571; зарабатывающих себе насущный хлеб 2 000; людей стесненных в средствах 256; разорившихся 159; бедных 1 173; не приведенных в известность 310.

Вопреки общепринятому мнению, число самоубийств в течение летних месяцев превышало число подобных же случаев в зимние месяцы. Из 4 595 самоубийств 1 491 совершены в первые четыре месяца года, 1 837 во вторые четыре месяца и 1 267 в остальные четыре месяца.

Но кроме того, что самоубийцы выбирают для прекращения своей жизни лучшую пору года, они большею частью совершают это преступление не ночью, а при дневном свете. Из 4 595 самоубийств в Париже 2 094 были совершены среди белого дня, 766 вечером, 658 ночью; об остальных же 1 077 не собрано удовлетворительных данных.

Г. Буамон представляет ряд таблиц, доказывающих, что число случаев самоубийства во *Франции* и особенно в Париже и других больших городах постоянно увеличивается.

Повторение примеров самоубийства в более значительной пропорции против возрастания народонаселения не подлежит, по мнению автора, никакому сомнению.

В числе различных причин, способствующих развитию самоубийства в Париже, одну из главных автор относит к биржевым спекуляциям. Эта спекулятивная игра чрезвычайно увеличилась со времени уничтожения правительством публичных игорных домов.

Вообще, книга г. Буамона проливает яркий свет на одну из печальных сторон жизненной статистики.

В то время, как чисто-литературная деятельность Германии находится в застое и не производит вовсе замечательных творений поэтических, романов и театральных пьес, в Берлине процветает отдел истории и критики искусства. Довольно назвать ученые статьи Франца Куглера, этюды Ваагена о художниках Англии и Франции, *Историю архитектуры* Вильгельма Любке, *Письма об искусстве* (Künstlerbriefe) Гуля, труды и лекции Кисса, чтобы дать понятие, какую высокую степень эстетическая литература занимает в столице Пруссии. Между тем, посреди этой пытливейшей деятельности, недоставало только издания, которое служило бы посредником между трудами ученых и герман-

ской публикой. Недостаток этот решился восполнить молодой писатель Макс Шазлер, близко знакомый с историей живописи и следивший за всем, что касалось деятельности и направления современных школ. Отсутствие политического единства, заставляющее Германию, в случае кризиса, беспокоиться за свою самобытность, приносит ей много пользы в отношении умственной деятельности. Благодаря существующей организации Германии, там нет почти ни одного сколько-нибудь значительного города, в котором не было бы первостепенных артистов; притом, каждый город отличается самобытною деятельностью. К несчастью, эти артисты слишком изолированы друг от друга, слишком чужды один другому, школы не обмениваются мыслями и добытыми данными, в особенности публика недостаточно посвящена в занятия профессоров и учеников; а потому, когда предстоит случай издать какое-нибудь капитальное творение, Германия как будто бывает к тому не приготовлена. Например, если бы во время Парижской всемирной выставки в Берлине или Мюнхене нашелся довольно значительный журнал, который вызвал бы артистов на соревнование, если бы художники нашли для себя поощрение в литературе, то, конечно, германский отдел выставки представил бы совершенно другие результаты. *Диоскуры* *, сборник, издаваемый г. Шазлером, будет иметь целью исполнение именно подобных обязанностей. Он поставит себе задачей сближать различные школы, сличать произведения искусства, обращать внимание публики на все замечательное, выводить наружу неведомые сокровища, одним словом, вносить в область искусства жизнь, одушевление. Он обещает также заниматься промышленностью и отношениями ее к искусству рисования. Таким образом, издание г. Шазлера будет руководить публику в изысканиях по части искусств и в самом наслаждении художественными произведениями. Этого сборника вышло уже несколько тетрадей.

Назад тому лет тридцать, Вильгельм Цан предпринял издание огромного труда о живописи в Помпее, Геркулануме и Стабиях. Будучи молод и страстно предан своей работе, Цан поселился в тех самых местах, которые избрал предметами своих исследований: он провел там двенадцать лет, и плодом его усилий явился замечательный труд, который он только что окончил. Когда первые выпуски его появились в 1828 году, Гете приветствовал их с энтузиазмом. Обратив на это издание общее внимание Веймара, Берлина, Иены и всей северной Германии, Гете написал о нем статью в *Венских летописях*, и покровительство, оказываемое им автору, чрезвычайно ободряло его посреди трудов. Вообще, издание Цана было одним из тех немногих пред-

* «Die Dioskuren». Zeitschrift für Kunst. Kunstindustrie und künstlerisches Leben, von Dr. Max Schasler. Berlin. 1856.

метов, которые возбуждали в дряхлом уже поэте довольно сильную симпатию. Коллекция писем Гете к Цану составила бы целый том; последнее из них адресовано в Неаполь от 10 марта 1832 года, за двенадцать только дней до кончины знаменитого писателя.

Сочинения Цана изданы под следующим заглавием: *Лучшие украшения и замечательнейшие картины в Помпее, Геркулануме и Стабиях, с очерками и рисунками* *. Г. Цан вместе и археолог и живописец; его оживленные снимки с произведений древнего искусства сопровождаются объяснительным текстом на немецком и французском языках. Притом, у автора много изобретательности. Чтобы вернее передать характер помпейской живописи, он придумал отпечатывать рисунки вместе с красками, и рисунки эти даже теперь возбуждают удивление в знающих людях. А. Гумбольдт, вполне умеющий оценивать всевозможные произведения ума, старался выставить важность изобретения Цана; Парижская Академия художеств также выразила ему свое полное сочувствие. Цан подразделил свой труд на три части, из которых последняя только что окончена. Первая, заключающая в себе около сотни рисунков, появилась между 1828 и 1829 годами, вторая между 1841 и 1845, третья начата в 1848 году.

Рассматривая произведение Цана, всякий поймет восторженность Гете: нельзя не удивляться красоте, значительности и идеальному величию картин, списанных автором. Римская живопись, столь мало известная нам, является тут со всеми своими сокровищами. Здесь глазам зрителя представляется целый музей изящных произведений. Подобное издание займет почетное место во всех больших библиотеках. Впрочем, труд Цана, по самому существу своему, не может тотчас же рассчитывать на большую популярность, хотя рано или поздно, конечно, найдет доступ в массу публики.

Лондон сильно страдает от летних жаров и удушливой атмосферы. Среди общего запустения и пыли, почти единственный привлекательный уголок представляет Сейденгемский хрустальный дворец. Выставка цветов, бывшая там в нынешнем году, уже два раза собирала вокруг себя десятки тысяч зрителей. Растения, воспитанные заботливостию страстных любителей и искусных садовников, великолепные азалии с пунцовыми и белыми цветами, фантастические гераниумы, носящие имена *Кобдена* и *Кассандры*, аэриды (*ofine tubra*), элидендры и розы всевозможных сортов обратили внутренность дворца в самый счастливый оазис. К цветочной выставке присоединялась выставка плодов, где виднелись виноградные лозы, душистые ананасы (*pine apples*), персики и проч.

* Die schönsten Ornamente und merkwürdigsten Gemälde aus Pompeji, Herculanium und Stabiae, nebst einigen Grundrissen und Ansichten, von Wilhelm Zahn. Berlin, 1828—1856.

Прелесть этих даров Флоры и Помоны возвышалась еще более присутствием большого общества самых изящных, самых элегантных англичанок.

Монументальных изменений внутри дворца почти совсем нет, и памятники, поставленные там в честь мира, сделаны из картона, хотя и представляют гранит.

Первому лорду казначейства подана от имени людей, пользующихся большим значением, записка, в которой они ходатайствуют о дозволении предпринять новые поиски за остатками кораблей *Erebus* и *Terror*, на которых, как известно, Франклин, вместе с своим экипажем, оставил Англию. Вот что сказано, между прочим, в этой записке:

«Оставаясь в убеждении, что корабли ее величества *Erebus* и *Terror*, или их остатки, затерты льдами на небольшом расстоянии от того места, где найдены доктором Рэ некоторые вещи, принадлежавшие сэру Джону Франклину или людям его экипажа, мы, нижеподписавшиеся, почтительно просим вас, милорд, разрешить отправить экспедицию, с целью поддержать честь нашего отечества и разъяснить тайну, возбуждившую сочувствие образованного мира.

Это предположение поддерживается многими из людей, производивших арктические изыскания. Видя, что настоящая экспедиция ограничится известным, определенным пространством, они убеждены, что проект удобоисполним и не сопряжен с большими пожертвованиями.

Мы никак не думаем, чтобы британское правительство, оказавшее так много стараний при отыскании пути, по которому ехал Франклин, прекратило свои исследования теперь, когда определена уже местность, где должны находиться корабли или их остатки,— тем более, что подобные исследования прольют новый свет на географию арктических стран и рассеют мрак, которым покрыты еще странствования и судьба наших соотечественников.

Хотя большинство пришло к заключению, что из экипажа Франклина не осталось в живых ни одного человека, но есть также люди с авторитетом, которые держатся противного мнения.

Впрочем, оставляя в стороне рассуждения и переходя прямо к вопросу о возможности отыскать корабли экспедиции Франклина или следы существования этих кораблей, заметим, что ни экспедиция вниз по Бак-Рейверу, ни экспедиция, достигшая недавно острова Монреала, не могут удовлетворительно выполнить тот план, который у нас в виду. Непрочность лодок из березовой коры, на которых г. Андерсон производил свои изыскания, опасности, представляемые рекою, бесплодие страны, окружающей ее устье, и неизбежный недостаток съестных припасов не позволили даже начать должным образом исследование,

которое может быть удовлетворительно выполнено лишь экипажем военного корабля, не говоря уже о моральном влиянии вооруженного отряда, который будет находиться по соседству, пока туземцы не заслужат полной доверенности.

Многие исследователи арктических стран выразили убеждение, что, вероятно, есть несколько дорог, по которым винтовой корабль мог бы так близко подойти к месту, что совершенно устранил бы всякое сомнение.

Не осмеливаясь утверждать, который именно из этих планов должен быть принят в руководство, мы просим вас, милорд, разрешить без замедления такого рода экспедицию, которая, по мнению Комитета арктических путешественников и географов, могла бы всего лучше соответствовать предположенной цели. Если Франция, после напрасных усилий узнать что-либо верное о судьбе Лаперуза, лишь только услышала, что открыты вещи, принадлежавшие этому путешественнику, как немедленно снарядила особую экспедицию для собрания всех предметов, принадлежавших его кораблям, — то мы уверены, что арктические исследования, сделавшие столько чести нашему отечеству, не будут оставлены в ту именно минуту, когда разъяснение странствований и судьбы наших потерянных мореплавателей, повидимому, уже в наших руках.

В заключение мы просим, чтобы настоящее предприятие, которое всего успешнее могло бы быть выполнено британским правительством, не было отдано на руки посторонним людям другой нации, или вдове оплакиваемого нами собрата».

В вышедшей недавно книге Томаса Тейлора Медоуза * заключается много любопытных сведений о Китае, и данные, сообщаемые здесь, носят на себе печать несомненной истины. Автор начал изучать китайский язык с ноября 1841 года. В продолжение десяти лет с половиной он исправлял должность переводчика в Кантоне и Шангае и был посылаем с особыми поручениями сперва на острова Лучу, а потом в экспедицию, для исследования движений таэ-гинпских мятежников, близ Нанкина. Тут ему представился благоприятный случай ознакомиться с нравами и обычаями народа, который занимает «Срединную империю» и составляет численностью своею третью часть всей человеческой семьи. Притом же, автор — самобытный мыслитель: он не довольствуется собиранием фактов, а, распределяя и сличая их друг с другом, выводит из них новые идеи.

Сочинение, которое рассуждает о философии, нравственности и тому подобных серьезных предметах, конечно, не предназна-

* The Chinese and their Rebellions, viewed in connection with their National Philosophy Ethics Legislation and Administration. To which is added and Essay on Civilisation and its Present State in the East and West. By Thomas Taylor Madows, Smith, Elder and Co.

чается для поверхностного чтения, но в книге г. Медоуза встречаются уже слишком длинные и запутанные периоды; изложение иногда тяжело, подобно умствованиям германских метафизиков, попадаются новые, нарочито выдуманные слова (напр. *civilisade*, *Occidentals*, *barbarization*), которых гораздо благоразумнее было бы не употреблять вовсе.

За всем тем, несмотря на эти недостатки, книга Медоуза заслуживает быть прочитанною всяким, кто желает получить верное понятие о народном характере китайцев.

Чтобы понять нынешнюю китайскую революцию, нужно изучить национальные свойства китайцев. Китайцы признают основное начало — вечный закон, методу или необходимость, которые предшествовали появлению всего вещественного. Этот закон действует помощью двух орудий — *Ян*, положительного вещества, и *Ин*, отрицательного вещества; от совокупного действия этих двух веществ рождаются пять стихий и четыре времени года, а от взаимного влияния стихий и времен года происходит все существующее в видимом мире.

Далее, есть духовное, бестелесное начало, называемое *Ли*. Слово это означает *управлять*; оно выражает душу материи — господствующее начало вселенной, в человеке указывает на разум. В каждом человеке заключается особый *Ли*, который есть составная часть *Ли*, управляющего вселенной, подобно тому, как мельчайшие капли воды суть составные части океана.

Говоря обыкновенным языком, китайцы убеждены, что вселенная существовала от вечности и что хотя она подвержена постоянным изменениям, она не может быть окончательно разрушена. Далее, они верят, что миром управляет вечное, неизменное начало, с которым не соединяется, впрочем, идея о личности. Они не признают божества и, рассуждая о небе и небесной воле, понимают тот же неизменный закон или начало, о котором было упомянуто выше. Этот закон исполняет все обязанности божества, потому что, будучи сам по себе абсолютною истиной и совершенной гармонией, он требует, чтобы человек поступал совершенно сообразно с его действиями, и тогда человек бывает вполне добродетельным. Тот же самый закон за нарушение своих предначертаний наказывает злополучием и лишениями, сопровождающими человека на пути к пороку. Таким образом бедствия служат доказательством, что великий закон, деятельность которого выражается в совершенной гармонии и мире, нарушен. Из этого китайцы выводят следующее заключение: «Если благоденствие народа служит убедительным доказательством, что правительство его есть орудие или провозвестник небесной воли, или вышеупомянутого закона, то, наоборот, несчастья и злополучие народа доказывают, что правительство действует не в духе закона». Вот почему автор мог сказать с полным правом: «Из всех народов, достигших некоторой степени образования, китайцы наименее

способны произвести революцию и наиболее склонны к возмущениям».

Революция суть противодействие известным началам, а китайцам нет дела до их правительственных начал. Между тем, мятеж восстает против людей, и как засухи, эпидемические болезни, землетрясения, войны, грабежи, — одним словом, всевозможные бедствия, зависящие от естественных или социальных причин, убеждают китайцев, что их правительство оскорбило верховный закон, то возмущение получает в их глазах совершенное оправдание. Вот почему настоящим беспорядкам в Китае нельзя даже предвидеть конца. Хотя маньчжуры, как чуждое племя, никогда не пользовались популярностью в Китае, но главной причиной возмущения и беспорядков была несчастная война с Англией, распространившая пламя раздора до Кванг-си и внушившая Гунг-тси-сейену надежду возродить Китай.

В истории обращения китайского реформатора и первых подвигов его есть много сходства с тем, что рассказывалось о Магомете. Подобно арабскому пророку, Гунг-тси-сейен, повидимому, человек с нежным нервическим телосложением и характером, склонным к мечтательности. Его так же, как и арабского пророка, посещали видения, и в продолжение нескольких лет немногие приверженцы его состояли лишь из членов его семьи.

Г. Медоуз считает его и других «поклонников бога» за людей, поступающих по убеждению, и полагает резкое различие между их сочинениями, основанными на протестантском переводе библии, и позднейшими сочинениями других реформаторов, исполненными ненавистного богохульства. Гунг-тси-сейен и его друг Ли обратились в христианство и крестились летом 1843 года. Осенью 1850 года новая секта пришла в столкновение с правительством и приняла воинственный вид.

Начиная с октября 1850 по март 1853 года, тае-пинги составляли одну армию и переходили из места в место, постоянно разбивая императорские войска, разрушая город за городом, но не занимая никакой постоянной позиции. Таким образом, они проникли на север чрез провинции Кванг-си, Гу-нан и Гу-пиг. Завоевания их тщательно обозначены на карте, которая приложена к книге. 19 марта 1854 года мятежники взяли Нанкин и умертвили 20 000 маньчжуров, составлявших городской гарнизон. С этого времени они заняли постоянную позицию, захватив южную столицу и центральные области Китая, именно, большую часть провинций Гу-нана, Гу-пига, Кинг-си и Гвуй-гванга, где они остаются до сих пор. Обладание Чин-Кингом предоставляет им владычество над Большим Каналом; в то же время они безотчетно распоряжаются на Янг-це-кинге, или Большой реке, на несколько сот миль по ее течению; кроме Нанкина и других больших городов, Ву-чанг, величайший город в Китае, также находится в их власти. Армия, которую они послали к северу про-

тив Пекина, достигла Тсинг-гае, в семидесяти пяти милях от столицы, но была прогнана оттуда армией маньчжуров и диких монголов.

По понятиям китайцев, в пользу мятежников говорят, во-первых, их первоначальные успехи, во-вторых, жестокости, которыми маньчжуры ознаменовали свое владычество.

Китайцы думают, что человек по природе своей добр и непорочен, потому что существо его есть результат великого закона и находится в гармонии с ним. Притом Ли, или ум, есть правящее начало материи и человека в особенности. Потому люди должны быть управляемы на основании рассуждений, доступных уму, а не помощью жестокостей, разрушающих тело. Если правитель жесток, то он этим самым подписывает свой приговор; а маньчжуры своими варварскими истязаниями нарушали этот основной закон управления.

Какой бы ни был исход этого возмущения, автор все-таки не советует посторонним государствам вмешиваться в дела Китая. Если тае-пинги, действительно, достойны независимости, то они, без сомнения, завоюют ее*.

* Athenaeum, Allgemeine Zeitung, Indépendance Belge, Illustration, Revue des deux Mondes, Westminster Review.